

⁵ Die Namibia-Deutschen über sich selbst (Einige Ergebnisse der Bearbeitung der Fragebögen) // Museum. Gesellschaft für wissenschaftliche Entwicklung. Swakopmund, Namibia. 1992. Jg. 24. H. 2. S. 30–32.

⁶ Balesin A. The German Community in South West Africa/Namibia from the Beginnings to 1990 // 18th International Congress of Historical Sciences. Proceedings. Montreal, 1995. P. 124.

⁷ Allgemeine Zeitung, Windhoek.

⁸ Подробнее см.: Балезин А.С. Цивилизаторы в стране дикарей? С. 227–233.

⁹ Töttemeyer G. Ethnicity and National Identity: Complementary or Contradictory Concepts? // Identity and Role of the German-Speaking Community in Namibia. Rehoboth. 1993. P. 15 ff.

¹⁰ Stabi H.-E., Melber H. Zwischen WiKa und CoD: Zur Rolle der Deutsch-Namibier // Afrikanischer Heimatkalender. Windhoek. 2001. S. 59–67.

¹¹ Ibid. S. 59.

¹² Ibid. S. 64.

¹³ Ibid. S. 62.

¹⁴ Этнические процессы в современном мире. М., 1987. С. 11.

¹⁵ См.: Балезин А.С. Немецкая община в Намибии. С. 64–75.

A.S. B a l e z i n. Namibian Germans on Themselves and Their Future

Contemporary situation in Namibian German origin whites community, former German South-West Africa, is characterized. A survey data of January – February 2001 are compared to a survey of 1991 to reveal the ethnic identity change during ten years of Namibia independence. The author stresses that Namibian Germans remain a subgroup of the German nation, although a new name 'German-speaking group of Namibian population' has gradually displaced the old 'German-speaking resident of the South-West'. A share of Germans who consider themselves to be Namibians has substantially grown, but the idea of integration into the new society has undergone change from the principle of «One Namibia – one nation» to the principle «unity in diversity». Generally, the German settlers feel themselves less confidently than right after independence attainment and look for the future with less optimism.

© 2002 г., ЭО, № 4

В.Е. Кукушкин

СЛАВЯНСКАЯ ТРУДОВАЯ ЭМИГРАЦИЯ ИЗ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КАНАДУ В НАЧАЛЕ XX в.

Начало XX в. вошло в мировую историю как период грандиозных трансконтинентальных миграций. Ни до, ни после история не знала сравнимых по масштабам перемещений населения между Старым и Новым Светом. Гонимые безземельем, национальным или религиозным гнетом, миллионы европейцев различных национальностей и вероисповеданий устремлялись за океан в надежде обрести там лучшую долю. В отличие от иммигрантов начала и середины XIX в., в основном оседавших на земле, большинство так называемых новых иммигрантов приезжало на временные заработки, будучи осведомленными о несравнимо более высоких ценах на рабочую силу на североамериканском рынке труда. К началу столетия европейская иммиграция превратилась в главного поставщика дешевой рабочей силы для североамериканской промышленности, которая к тому времени вступила в завершающую стадию перехода к механизированному производству, требовавшему больших затрат низко- и среднеквалифицированного труда.

К концу XIX в. изменился не только социально-демографический состав иммигрантов, но и география миграций. Если ранее основными странами-донорами являлись Великобритания (в особенности Ирландия), Германия и ряд других государств Западной и

Северной Европы, то теперь подавляющее большинство иммигрантов прибывало из Австро-Венгрии, Италии и России¹. В 80–90-е годы XIX в. основной процент российских эмигрантов составляли евреи, гонимые за океан как национально-религиозным гнетом, усилившимся после 1881 г., так и тяжелым экономическим положением. К началу XX столетия заметно возросло число эмигрировавших поляков и литовцев. Наконец, к 1906–1907 гг. волна массовой эмиграции докатилась до белорусских и украинских губерний Российской империи, а также до некоторых районов Центральной и Южной России. И хотя США по-прежнему служили главным центром притяжения для иностранных рабочих, в том числе и российских, примерно треть эмигрантов украинского, белорусского и русского происхождения направлялась в Канаду. В настоящей статье на основе канадских и российских архивных документов, большинство из которых впервые вводятся в научный оборот, делается попытка анализа славянской трудовой эмиграции из Российской империи в Канаду в первые полтора десятилетия XX в., рассматривается ее география, социальный состав и экономическая сущность².

Ни в канадской, ни в российской историографии данная проблема ранее не подвергалась специальному рассмотрению, хотя в ряде общих работ Канада упоминается как важный пункт назначения российских эмигрантов³. Несмотря на существование огромного количества исследований, посвященных финской, еврейской, немецкой и духоборческой эмиграции из России в Канаду, массовая эмиграция российского крестьянства в эту страну осталась практически не замеченной историками. Среди немногих исключений следует прежде всего назвать историю прокоммунистической «Федерации русских канадцев», написанную ее многолетним председателем Г. Окулевичем, и сборник статей «Русские канадцы: прошлое и настоящее», изданный усилиями группы интеллектуалов из числа эмигрантов третьей волны (1945–1952 гг.). Оба эти издания, однако, в значительной мере отражают идеологические предпочтения их авторов, и к тому же содержат ряд фактологических неточностей⁴. В целом же следует сказать, что ни в Канаде, ни в США русскими эмигрантами второй и третьей волн не было проявлено почти никакого интереса к дореволюционной рабоче-крестьянской эмиграции. Являясь в большинстве своем представителями более обеспеченных классов и проникнутые духом консервативного национализма и антирадикализма, они не только не имели с ней ничего общего, но и старались держаться от нее на расстоянии, поскольку в общественном мнении Америки и Канады со времен «красной паники» 1917–1920 гг. русские рабочие-иммигранты нередко ассоциировались с угрозой большевизма. И хотя идеологические трения внутри североамериканских эмигрантских общин различной национальности были скорее правилом, нежели исключением, в случае с российской диаспорой они приобрели такую остроту, которая по сути привела к разрыву исторической преемственности между дореволюционной и последующими волнами эмиграции.

В начале XX столетия Канада стала одним из главных центров притяжения для российской эмиграции, уступая лишь находившимся вне конкуренции США и опережая шедших следом Аргентину и Бразилию. Данные канадской иммиграционной статистики, которая с 1900 г. начала (хотя и весьма несовершенно) классифицировать иммигрантов по этническому признаку, позволяют оценить общие масштабы и этнический состав российской эмиграции в Канаду. Согласно этим данным, из 188 тыс. российских эмигрантов, прибывших в страну с 1900 по 1913 г., около 92 тыс., или 49% составляли «русские», в число которых в то время включались российские украинцы (малороссы), белорусы и собственно русские (великороссы)⁴. Цифра эта, по всей видимости, – завышена за счет автоматического попадания в категорию «русские» определенного числа литовцев, латышей, российских немцев и представителей других национальностей, отсутствовавших в этнолингвистической классификации, которая ис-

¹ Несмотря на то что термин «славянская эмиграция» в строгом смысле предполагает рассмотрение также польской эмиграции из Российской империи, в настоящей статье исследуется лишь эмиграция с территорий восточнее Царства Польского.

пользовалась канадской статистикой. Тем не менее очевидно, что восточные славяне составляли наиболее многочисленную группу среди выходцев из Российской империи, опережая евреев (32%), финнов (11%) и поляков (8%)⁵. Не исключено, что в число последних могли попасть и этнические белорусы, проживавшие в польских губерниях. Следует отметить, что в приведенные расчеты не включены более 8 тыс. духоборов, которые, начиная со времени их первого прибытия в Канаду в 1899 г., всегда выделялись иммиграционными властями в отдельную категорию, хотя этнически и являлись русскими.

Сравнение приведенных выше цифр с аналогичными данными американской статистики обнаруживает интересные различия в этническом составе российской эмиграции в эти две страны. Среди выходцев из России, направившихся в США, безусловно доминировали национальные меньшинства империи: так, поляки и евреи вместе составляли 70% всех эмигрантов, прибывших из России в Америку с 1899 по 1910 г., значительным было число литовцев (американской статистикой, в отличие от канадской, они выделялись в самостоятельную группу). «Русские» же составляли всего 7%, и хотя в 1909–1913 гг. их доля повысилась до 12%, она тем не менее не шла ни в какое сравнение с огромной массой польской и особенно еврейской эмиграции из России. Если брать абсолютные цифры, то за период с 1899 по 1913 г. в США въехало всего 165 тыс. «русских», что лишь в 1,8 раза превышает их численность среди российской эмиграции в Канаду в 1900–1913 гг. – и это при том, что в совокупности США приняли за эти годы примерно в 12 раз больше российских эмигрантов, нежели Канада⁶.

Здесь следует отметить, что данная статистика не учитывает случаев повторного въезда, а также реэмиграции (возвращения на родину). Хотя министерство труда США, ведавшее иммиграцией, с 1908 г. ввело учет выезжавших за границу по этническому признаку, в Канаде подобные сведения никогда не собирались. Согласно американским данным, в 1908–1923 гг. на родину вернулись 52% всех «русских», въехавших в этот период в США⁷. Вполне обоснованным будет предположить, что и для Канады эта цифра была не меньше.

Россия как потенциальный источник иммигрантов для Канады привлекала внимание отдельных канадских наблюдателей еще в 90-е годы XIX в. Тогда она воспринималась прежде всего как возможный поставщик «крепких» фермеров для освоения сложных в климатическом отношении районов страны. В вербовке фермеров из России были заинтересованы и частные компании, владевшие обширными земельными угодьями. Так, безымянным автором краткого меморандума, представленного в 1890 г. в министерство сельского хозяйства Канады, которое ведало в то время иммиграцией, указывалось на целесообразность привлечения крестьян-поселенцев с Севера России на земли северного Квебека: «Северо-Запад может быть легко заселен британской расой, но этот регион также должен быть освоен, и никакая раса не подходит для этого более, чем русские»⁸. Исходя из аналогичных соображений, канадское правительство согласилось в 1899 г. принять на выгодных условиях несколько тысяч духоборов. Кроме того, оно было весьма заинтересовано в привлечении в страну российских немцев, в том числе меннонитов, первая волна которых переселилась сюда еще в 1870-е годы⁹. Однако несмотря на стремление Оттавы к развитию прежде всего фермерской иммиграции из России, подавляющее большинство российских эмигрантов-крестьян из районов восточнее Царства Польского ехали в Канаду на заработки. Лишь в редких случаях они прочно оседали на земле, еще реже основывали компактные фермерские поселения подобно духоборам или украинцам из Галиции и Буковины.

Притягательность Канады для российской трудовой эмиграции можно объяснить совпадением нескольких внутренних и внешних обстоятельств. К концу первого десятилетия XX в. эта страна вступила в полосу бурного промышленного роста, стремительно менявшего ее экономический облик. Главным признаком новой эры стало невиданное по размаху строительство железных дорог, лидерами которого были три крупнейших компании – «Канадская тихоокеанская железная дорога» (КТЖД), пост-

роившая в 1885 г. одноименную трансконтинентальную магистраль, а также «Грэнд транк» и «Кэнейдиен норзерн», приступившие к строительству еще двух трансконтинентальных линий. Железнодорожный бум сопровождался ускоренным развитием лесной и горнодобывающей промышленности в северном Онтарио, Квебеке, Новой Шотландии и Британской Колумбии. Все эти отрасли испытывали острую потребность в большом количестве малоквалифицированной рабочей силы, которая не могла быть покрыта за счет местных ресурсов. В поисках дополнительных резервов канадские промышленники обратили свои взоры к Восточной, Центральной и Южной Европе. Хотя официально иммиграционная политика Канады была нацелена на привлечение в страну фермеров (а также сельскохозяйственных рабочих и домашней прислуги), на практике канадское правительство не чинило серьезных препятствий въезду иностранных промышленных рабочих и смотрело сквозь пальцы на нарушения Закона 1897 г. о рабочих-иностранцах, который запрещал целенаправленный ввоз в страну законtracted рабочей силы. Согласно законодательству 1908 г., для того чтобы быть допущенным в Канаду, иммигранту из любой европейской страны достаточно было лишь пройти медицинское освидетельствование в порту высадки и иметь при себе летом 25, а зимой – 50 долл.¹⁰ В марте–июне 1913 г., когда промышленно-строительный бум достиг своего пика, правительство временно отменило последнее требование¹¹.

Пользуясь своей агентурной сетью в Европе, канадские железнодорожные компании, в особенности КТЖД, обладавшая также собственными пароходными линиями, развернули активную деятельность по вербовке европейских рабочих¹². Хотя основная их масса поначалу прибывала из Италии, Австро-Венгрии и Финляндии, некоторые канадские фирмы уже в первые годы столетия рассматривали Россию как важнейший резерв рабочей силы. Так, в конце 1906 – начале 1907 г. российским консулом в Канаде Н.Б. Струве и представителями «Грэнд транк» всерьез обсуждался грандиозный проект вербовки для этой компании не менее 10 000 опытных российских рабочих. Впервые эта идея была предложена руководству «Грэнд транк» лидером канадских духоборов Петром Веригиным, однако Струве решил взять ее осуществление в свои руки. По ряду причин проекту не суждено было воплотиться в жизнь, однако через Веригина информация о заинтересованности канадского бизнеса в русских рабочих попала в российскую прессу и вызвала ряд обращений в консульство за информацией об условиях найма на работу в Канаде¹³.

Активная роль Н.Б. Струве в неудавшемся проекте свидетельствовала о стремлении российских властей установить контроль над движением российских рабочих в Канаду, придав ему упорядоченный характер. Однако сделать это, разумеется, было невозможно, и вскоре подобные попытки пришлось оставить. Тем временем масштабы трудовой эмиграции из России нарастали: только в 1907 г. в Канаду приехало 6,2 тыс. «русских» – примерно в 3 раза больше, чем в предыдущем году¹⁴. В 1909 г. в своем донесении в Петербург Струве особо отметил начавшееся в «последние полтора-два года... усиленное движение в страну из России чернорабочих»¹⁵. После вызванного экономическим спадом общего снижения иммиграции в 1908–1909 гг., ежегодный приток восточных украинцев, белорусов и русских в Канаду продолжал расти быстрыми темпами, достигнув своего пика в 1913 г. Из 92 тыс. «русских», которые приехали в Канаду в 1900–1913 гг., 52% прибыли в течение трех предвоенных лет¹⁶.

Одним из внутрироссийских факторов, несомненно способствовавших развитию эмиграции, стала столыпинская аграрная реформа, которая значительно повысила мобильность российского крестьянства, страдавшего от аграрного перенаселения. Особенно остро оно ощущалось в ряде районов Юго-Западного края. По оценкам историков-экономистов, для нормального функционирования крестьянского хозяйства в начале XX в. требовалось по крайней мере 13,6 акров земли. Реальность же была такова, что, например, в 1900 г. в восьми украинских губерниях средний размер земельных участков колебался от 3,2 акров (в Подольской и Киевской губерниях) до 6,2 в Екатеринославской, уменьшившись, по сравнению с 1863 г., в 2–2,5 раза¹⁷. Такая ситуация толкала наиболее предприимчивые крестьянские семьи к поиску новых средств

улучшения своего экономического положения. Одним из таких средств была эмиграция за рубеж на временные заработки, по своей экономической сути мало отличавшаяся от широко практиковавшегося внутри страны отходничества. Не случайно, как будет показано ниже, именно две первые указанные выше губернии стали основными поставщиками российских эмигрантов в Канаду.

Обширные архивы трех царских консульств в Канаде, функционировавших до 1922 г., содержат богатейший материал по истории российской эмиграции в эту страну. Наибольшую ценность в этом отношении представляют отложившиеся в архивах консульств личные дела более чем 12 тыс. российских подданных, которые до сих пор не подвергались детальному анализу ни в западной, ни в российской литературе. Датируются они 1917–1918 гг., когда, согласно введенным правилам, российские подданные, находившиеся за рубежом и желавшие получить от консульских представительств проходное свидетельство на проезд в Россию, удостоверение личности или иные документы, должны были на официально утвержденном опросном листе представить подробные сведения о себе и своей семье¹⁸. Анализ информации, содержащейся в этих делах, проведенный с применением современных компьютерных методов, позволяет составить ясное представление о географии российской эмиграции в Канаду и о ее социальном составе. Несмотря на то, что в этой коллекции отсутствуют данные о российских иммигрантах, не имевших желания или необходимости обращаться в консульства, размер ее достаточно велик, чтобы говорить о высоком уровне репрезентативности. Наиболее широко в ней представлены эмигранты, прибывшие в Канаду непосредственно накануне Первой мировой войны и не успевшие (а в большинстве случаев, и не желавшие) натурализоваться и потерять связь с родиной.

Хотя данные опросных листов не дают возможности выявить точное соотношение представителей различных этнических групп среди лиц, обратившихся в консульства, мы тем не менее можем получить представление о нем косвенным путем, используя имеющиеся сведения о вероисповедании, указанные 8438 (69,1%) заявителями. Из них 46,8% – православные, 29,2% – иудеи, 10,7% – католики и 9,6% – лютеране. Среди 3,7% лиц, указавших иное вероисповедание, есть баптисты, меннониты, греко-католики, мусульмане и представители некоторых других религий. Поскольку подавляющее большинство православных жителей западных и южных районов России (откуда, как будет показано ниже, шел основной поток эмигрантов) были украинцами, белорусами или русскими, приведенные цифры лишней раз подтверждают, что накануне и в период Первой мировой войны наиболее значительную группу среди российских эмигрантов в Канаде составляли восточные славяне. Среди католиков преобладали поляки и литовцы, лютеране были представлены в основном финнами.

При статистической обработке содержащихся в опросных листах данных о половозрастном составе и семейном положении российских эмигрантов в Канаде бросается в глаза абсолютное преобладание лиц мужского пола (более 98% всех листов). Хотя само по себе преобладание мужчин – одно из наиболее типичных явлений для европейской трудовой эмиграции данного периода, следует иметь в виду, что приведенная цифра не может считаться репрезентативной для оценки соотношения числа мужчин и женщин среди российских иммигрантов в Канаде, поскольку она отражает пол лишь основных заявителей. От имеющих же в опросных листах сведений об остальных членах семьи мало пользы, так как они, за редким исключением, не содержат указания на местожительство последних в момент заполнения листа. Прояснить картину помогают данные канадской иммиграционной статистики, согласно которым в 1908–1913 гг., т.е. в период подъема славянской эмиграции из России, женщины составляли 20% иммигрантов, отнесенных к «русским»¹⁹. Исходя из отсутствия в источниках данных о наличии сколько-нибудь значительного числа незамужних женщин среди славянской эмиграции, можно предположить, что практически все они прибыли в Канаду со своими мужьями (или же приехали к ним позже). Таким образом, получается, что лишь четвертая часть мужчин переселилась сюда вместе с женами. Од-

нако данные консульских опросных листов показывают, что 62,5% представленных в них мужчин православного вероисповедания были женаты, превосходя по этому показателю не только католиков и лютеран, но и иудеев*.

Произведя несложные выкладки, можно заключить, что большинство прибывавших в Канаду женатых мужчин оставляли свои семьи в России. Эти расчеты, несмотря на их приблизительный характер, тем не менее служат указанием на то, что для большинства крестьянских семей в районах массовой эмиграции речь шла не о переселении на постоянное место жительства, а лишь об отправке наиболее трудоспособных их членов (мужей или взрослых неженатых сыновей) на временные заработки в целях поддержания на плаву семейного хозяйства. В большинстве своем это были мужчины в расцвете сил: несмотря на то, что в коллекции мы встречаемся с лицами от 16 до 68 лет, средний возраст российского эмигранта православного вероисповедания составлял в 1917 г.** 32,5 года и был несколько выше, чем у российских подданных католического (30,9), лютеранского (31,9) и иудейского (25,7) вероисповеданий. Покидая родину, они вынуждены были временно перекладывать ведение семейного хозяйства, зачастую к тому же обремененного долгами, на плечи жен и старших детей или же на престарелых родителей и младших братьев.

В географическом отношении подавляющее большинство российских эмигрантов, представленных в опросных листах, – выходцы с западных окраин Российской империи, а точнее, из губерний Правобережной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики (напомним, что в данное статистическое исследование не включены губернии Царства Польского). Половина всех российских эмигрантов славянского происхождения прибыла в Канаду из четырех губерний – Подольской, Киевской, Гродненской и Волынской. Вместе с тем мы наблюдаем два любопытных примера миграций из более отдаленных районов империи, в частности, из Поволжья (прежде всего Саратовской губ.) и с Северного Кавказа (Терская обл.). В то же время губернии Центральной России представлены в исследуемых материалах крайне незначительно, составляя примерно 9% всех дел. Как видно из табл. 1, иммигранты православной веры прибывали в Канаду преимущественно из Подольской, Киевской, Гродненской, Бессарабской, Волынской и Минской губерний. В первых четырех они составляют абсолютное большинство эмигрантов, опережая идущих следом иудеев. Среди эмигрантов с Поволжья доля русских несколько выше, чем немцев, хотя представительство выходцев из этого региона в консульских архивах слишком мало для того, чтобы делать категоричные выводы. Интересно также отметить преобладание православных среди эмигрантов с Северного Кавказа. Анализ имен этих последних показывает, однако, что этнически большинство из них принадлежало к кавказским народностям (прежде всего к осетинам), уроженцам Владикавказа и его окрестностей. Кроме того, в архиве имеется небольшое количество дел грузинских эмигрантов, в основном из Кутаисской губ. Наличие представителей кавказских народностей среди российских эмигрантов в Канаде подтверждается и архивами канадского министерства внутренних дел, где имеется любопытная информация о прибытии группы российских эмигрантов-кавказцев в 1909 г. в Ванкувер через Владивосток и Йокохаму на судне, принадлежавшем КТЖД²¹.

Если рассматривать внешнюю и внутреннюю миграцию российского крестьянства как явления взаимосвязанные, то на основании приведенных выше данных можно заключить, что географическая граница между ними пролегла по Днепру. Перед Первой мировой войной внутреннее переселенческое движение за Урал из районов западнее Днепра уступало по своему размаху трудовой эмиграции за рубеж, тогда как в

* Очевидно, что в коллекции Li-Ra-Ма мы имеем дело с несколько необычным типом еврейского эмигранта. Известно, что еврейская эмиграция в массе своей была семейной, однако представленные в фонде дела принадлежат в основном молодым неженатым мужчинам и, следовательно, не могут считаться вполне репрезентативными для анализа еврейской эмиграции из России.

** 1917 г. взят в качестве базового при расчетах среднего возраста, так как именно этим годом датировано подавляющее большинство опросных листов.

География православной эмиграции из России в Канаду по губерниям*

Губерния	Количество эмигрантов	% от общего количества православных эмигрантов	% от общего количества выходцев из данной губернии
Подольская	1214	30,7	65,9
Киевская	671	17,0	62,1
Гродненская	606	15,3	67,5
Бессарабская	488	12,4	68,9
Волынская	427	10,8	48,6
Минская	201	5,1	41,4
Терская область	70	1,8	63,6
Виленская	38	1,0	21,1
Черниговская	21	0,5	21,6
Херсонская	16	0,4	10,7
Могилевская	14	0,4	7,7
Лифляндская	10	0,3	16,1
Ковенская	5	0,1	1,5
Витебская	3	0,1	3,1
Курляндская	3	0,1	4,6
Екатеринославская	3	0,1	5,8
Остальные	161	4,1	–
Всего лиц православного вероисповедания	3951	100,2**	–

* Включены только губернии, представленные не менее чем 50 эмигрантами.

** Итог не равен 100 из-за погрешностей при округлении.

Источник: Li-Ra-Ma Collection, Series IV (Passport-Identity Series)

губерниях, располагавшихся к востоку от него, ситуация была обратной*. Используя терминологию, предложенную известным германским историком Д. Хёрдером²¹, можно заключить, что западные и юго-западные регионы Российской империи были частью североатлантической миграционной системы с центром в Северной Америке, являясь ее крайней восточной периферией. Районы же восточнее Днепра принадлежали уже к другой, русско-сибирской системе. Факторы, обусловившие центральную роль Днепра в евразийских миграционных процессах начала XX в., – проблема, безусловно, требующая дальнейшего изучения.

7753 дела (63,5%) содержат данные по уездам, выходцами из которых являлись представленные в них индивидуумы. При анализе этой информации прежде всего бросается в глаза географически крайне неравномерное распределение эмигрантов, при котором уезды с исключительно высокими показателями выхода перемежаются с уездами, где эти показатели гораздо ниже. Так, из всех эмигрантов, указавших в опросном листе свой уезд, 1045 (13,5%) прибыли из Каменецкого у. Подольской губ., граничившего с австрийской Галицией (для сравнения скажем, что остальные 11 уездов этой же губернии представлены лишь 494 лицами). Вторым (550 чел.) следует Хотинский у., располагавшийся в северной части Бессарабской губ. и населенный преимущественно украинцами. Очевидно, именно выходцы из этих двух уездов стояли у истоков массовой славянской эмиграции из России в Канаду.

* Еврейская эмиграция из России представляет собой особый случай, как и эмиграция других религиозных меньшинств, притеснявшихся царским правительством.

Кроме двух названных уездов еще семь представлены более чем 100 выходцами – Пружанский у. Гродненской губернии, Таращанский, Уманский и Липовецкий уезды Киевской губ., Ново-Ушицкий и Проскуровский Подольской губ. и Ковельский Волынской губ. Из указанных девяти уездов в Канаду прибыло 40% всех российских эмигрантов, указавших свой уезд в опросном листе. По всем этим уездам, за исключением Проскуровского, эмигранты православного вероисповедания (малороссы, белорусы и русские) составляют подавляющее большинство – от 85,4% по Пружанскому у. до 64,4% по Ново-Ушицкому. Чрезвычайно интересен также факт значительной территориальной концентрации выхода эмигрантов в губерниях, не относившихся к лидерам по общим показателям эмиграции. Так, практически все эмигранты из Саратовской губ. (как русские, так и немцы) – выходцы из одного уезда – Камышинского. То же относится к Ардатовскому у. Симбирского губ.

Внутри уездов эмиграция также носила «точечный» характер, при котором одно село могло превратиться в бесперебойного поставщика рабочих рук для канадских железных дорог и рудников, тогда как другое, соседнее, – остаться практически не затронутым эмиграционной лихорадкой. В исследуемых материалах упоминаются 73 села и местечка с числом эмигрантов более 10, из которых 22 находились в Камецеком у. Подольской губ. Однако безусловным лидером среди населенных пунктов по числу выезжавших в Канаду жителей являлось с. Зеленый Рог Уманского у. Киевской губ., представленное в исследуемых материалах 50 лицами.

Историки итальянской трудовой эмиграции конца XIX – начала XX в. были первыми, кто обратил внимание на характерный для всех стран-доноров феномен географически неравномерного распределения эмиграционных потоков²². Объяснение этому обычно ищут в так называемой цепной миграции: вслед за выездом одного или нескольких жителей села на заработки в Новый Свет обычно через некоторое время следовал массовый исход односельчан в результате поступающей от «первопроходцев» информации о высоких заработках, ожидавших за океаном каждого, кто способен трудиться. Сами «первопроходцы», возвращавшиеся домой с солидными по крестьянским меркам сбережениями и рассказами об Америке, служили очень значимым стимулом, побуждавшим все большее и большее число местных жителей искать счастья за океаном. Устная молва разносила эти рассказы среди жителей данной местности, многократно увеличивая их эффект. Таким образом, происходило постепенное возникновение своего рода трансконтинентальных «информационных сетей», которые служили отправлявшимся за океан новым эмигрантам главным источником сведений о стране назначения. Приезжая в Канаду, эти последние могли также использовать помощь и поддержку ранее прибывших сюда соотечественников в поиске жилья, наиболее высокооплачиваемой работы и т.д.

Еще одним важным фактором, обусловившим «точечный» характер эмиграции, была деятельность различного рода агентов, чаще всего представлявших крупные пароходные линии, но нередко работавших и на эмиграционные конторы или бюро по найму рабочих. Например, имеются сведения о некоем Л. Де Лара, который представлялся «пароходным и железнодорожным агентом Канады» и имел представительство во Владикавказе, Харькове и нескольких других городах России²³. Очевидно, что агенты проявляли в этих районах империи большую активность, нежели в других. Многие из них вели тайную пропаганду эмиграции среди местного населения и имели хорошо налаженные каналы нелегальной переправки эмигрантов через границу, избавлявшие их клиентов от волокиты и расходов, связанных с получением губернского заграничного паспорта (в 1913 г. такой паспорт стоил 10 руб., плюс обязательный сбор в 5 руб. в пользу Русского Красного Креста, и имел срок действия всего 6 мес.). Нередко эмигрантам еще до посадки на пароход предлагали подписать контракт с канадским работодателем. Как уже отмечалось в литературе, значительную долю среди подобного рода агентов составляли лица еврейской национальности, для которых посредническая деятельность была одним из доступных способов заработать на жизнь в условиях экономических ограничений, налагавшихся на евреев в царской России²⁴.

Много интересной информации о деятельности этих агентов содержится в переписке консулов с российскими эмигрантами, нередко жаловавшимися на мошенничество и злоупотребления с их стороны. Приведем лишь одну выдержку из письма, направленного консулу С.А. Лихачеву семью выходцами из Бессарабии, которые, по их словам, были заманены в Канаду щедрыми посулами агентов: «Мы ничего не знали, что есть за границей земля на продажу, а про Канаду мы не знали, что существует таковая на земле, и вот прошлого 1913 года 29-го июня в село Ченшауц приехал еврей Елик Лейбов Левин с братом своим Чикером к еврею же Мошке Задунайскому на совет, как бы обмануть местных людей и отправить их за границу. Елик объяснил Мошке Задунайскому, насколько может быть хороший заработок, доставив партию фермеров из Бессарабской губернии... На этом совете было решено завербовать 400 семейств. Над чем жиды и трудились слишком [sic] два года, стараясь продать народ за деньги компании»²⁵. Хотя в данном случае речь шла о вербовке фермеров, а не рабочих, подобные ситуации, судя по всему, были достаточно типичными, укореняя в массах крестьян и без того распространенные антисемитские настроения.

Эти настроения, кстати сказать, всецело разделялись и российскими консулами в Канаде. Ответное письмо Лихачева бессарабцам заслуживает того, чтобы его процитировать: «Не надо было слушаться всяких жидов и переселяться в Канаду. Прежде чем делать такую неосторожность, нужно было справиться у местных полицейских властей, правда ли всё то, что говорит жид. Его бы арестовали, а Вы бы остались дома и не бедствовали теперь. Таких, как Вы, послушавшихся жидов и тайно бежавших из России, здесь в Канаде много, и все они, как и Вы, бедствуют и ничего против этого сделать нельзя»²⁶.

Дискуссия о том, в какой степени европейский эмиграционный бум начала XX в. был вызван деятельностью вездесущих агентов-посредников, уходит своими корнями непосредственно в эпоху «великих миграций». Хотя в современной литературе имеется тенденция отводить решающую роль иным факторам, в частности упоминавшемуся выше феномену «цепной миграции», тем не менее можно предположить, что по крайней мере в тех местах, где ранее не существовало традиций эмиграции (к которым до начала XX в. относилось большинство западных губерний России), распространявшаяся агентами информация являлась важным катализатором массового отъезда на заработки в Америку и Канаду. Лишь позднее в действие вступал механизм «цепной миграции», благодаря которому процесс приобретал в значительной степени саморегулирующийся характер.

Развитие морского судоходства в рассматриваемый период также способствовало развитию массовой эмиграции. В отличие от прошлых времен, путешествие в Америку даже в третьем классе стало к концу XIX в. не только терпимым, но даже приобрело некоторые элементы комфорта. Ввод в строй более современных пассажирских судов существенно сократил время, проводимое в пути, что вкупе со значительным снижением стоимости билетов сделало выезд на заработки за океан доступным для широких крестьянских и городских масс Европы. В расширении эмиграции из России в Канаду большую роль сыграло открытие в июне 1912 г. «Русским Восточно-Азиатским пароходством» прямого сообщения между российским портом Либав (Либава) и канадским Галифаксом, ставшим промежуточной остановкой на линии Либав – Нью-Йорк. Как видно из интересного документа, сохранившегося в Российском государственном историческом архиве, этому событию предшествовало обращение «нескольких Канадских фирм, сообщивших, что для постройки Канадских железных дорог требуется около 60 000 рабочих, предпочтительно русских...»²⁷ С первым пароходом из Либавы в Галифакс отправились 100 российских рабочих, на трех последующих – уже по 400. Новый маршрут был признан пароходством успешным, и накануне войны по нему курсировали четыре судна, перевозивших большие партии эмигрантов. Расстояние от Либавы до Галифакса они покрывали за 11–14 дней. Пароходство заключило с КТЖД и «Грэнд транк» соглашения, согласно которым прибывавшие на его судах иммигранты поровну разделялись между этими двумя ком-

паниями для перевозки по железной дороге внутрь континента. В марте 1913 г., после выхода КТЖД из «Североатлантического союза» – международного пароходного синдиката, куда входило и «Русское Восточно-Азиатское пароходство», соглашение с ней было расторгнуто, после чего «Грэнд транк» оказалась монополистом в перевозке иммигрантов, прибывавших на российских судах²⁸.

Вместе с тем даже несмотря на открытие регулярных рейсов между Либавой и Галифаксом, последний не смог стать безусловным лидером среди трех основных портов (Квебек, Галифакс и Сент-Джон), через которые в Канаду шел приток иммигрантов, относимых статистикой к «русским». Хотя в 1912–1913 гг. через Галифакс в страну въехало 52,9% всех «русских», уже в следующем году Квебек вернул принадлежавшую ему ранее пальму первенства, опять став «главными воротами» Канады для российской славянской эмиграции. Это показывает, что большинство российских эмигрантов, как и ранее, продолжали пользоваться услугами западноевропейских пароходных линий, выезжая в Северную Америку через Гамбург или Бремен, реже – Амстердам, Антверпен или Триест (туда большая их часть попадала через агентов, обеспечивавших нелегальное пересечение границы). Свыше 20% российских эмигрантов приезжали в Канаду через американские порты, прежде всего Нью-Йорк²⁹. Хотя проверить данное предположение вряд ли возможно, есть основания полагать, что процент нелегальных (беспаспортных) эмигрантов среди тех, кто выезжал через Либаву, был гораздо ниже, чем среди тех, кто пользовался иными маршрутами, тем более что курляндскому губернатору было дано право выдавать паспорта выезжающим за границу независимо от места их постоянного проживания³⁰.

Сойдя с трапа парохода в канадском порту, эмигрант тут же становился объектом внимания нового типа агентов – агентов по трудоустройству. В начале XX столетия в Канаде, как и в США, существовало великое множество малых и больших контор, выполнявших посреднические функции на рынке труда и являвшихся главными поставщиками рабочей силы для канадской промышленности. Обычно эти агентства, многие из которых «специализировались» на иммигрантах одной или нескольких национальностей, сочетали этот вид деятельности с продажей пароходных билетов, отправкой денежных переводов, обменом валюты и выполнением переводческих и нотариальных услуг. Как и в случае с агентами, действовавшими внутри России, значительную долю среди владельцев и служащих этих контор составляли евреи – также выходцы из России, но, как правило, прожившие в Канаде довольно длительное время и успевшие овладеть английским языком и адаптироваться к местным условиям. Среди агентов по трудоустройству встречались также поляки, галицкие украинцы и представители некоторых других восточноевропейских народов. Случаи обмана иностранных рабочих этими конторами были делом более чем обычным: например, в 1914 г. владелец одной из таких контор – монреальского «Интернэшнел бюро» – Луис Медник, известный российским рабочим под именем Леонтия, скрылся вместе с большим количеством денег, переданных ему клиентами для пересылки в Россию³¹. Тем не менее само существование множества подобных агентств свидетельствует о наличии широкого спроса на их услуги со стороны иммигрантов, нуждавшихся в помощи в чужой для себя стране. Посреднические функции, выполнявшиеся ими, являлись важным связующим элементом в сложном механизме трансатлантического рынка рабочей силы.

Чаще всего работодателями для российских рабочих служили небольшие фирмы-подрядчики и субподрядчики, имевшие заказ от более крупной компании на производство определенного объема работ. Иногда найм рабочих осуществлялся последними непосредственно через свои отделы по трудоустройству. Крупные работодатели, прежде всего железнодорожные компании, нередко заказывали значительные партии российских рабочих, которых сразу же по прибытии в Канаду отправляли к месту работы в специальных поездах. Стоимость проезда обычно авансировалась компанией в счет будущей заработной платы. Чтобы удержать рабочего от весьма распространенного дезертирства с места работы, железнодорожные компании обычно брали

на себя обязательство оплатить его обратный проезд к месту прежнего проживания по окончании контракта.

Условия обращения с рабочими во время их транспортировки к месту работы часто оставляли желать лучшего. В марте 1913 г. в канадской прессе появилось сообщение об инциденте около Мус-Джо (провинция Саскачеван), когда несколько сот российских рабочих, законтрактованных КТЖД и перевозившихся в закрытых вагонах под наблюдением вооруженной охраны, взбунтовались и предприняли попытку покинуть поезд, причем охране пришлось произвести несколько предупредительных выстрелов. Инцидент вызвал официальный протест со стороны тогдашнего российского консула в Канаде Н. Пассека и стал предметом обсуждения в федеральной палате общин³². Никаких акций против КТЖД со стороны правительства, однако, не последовало, а вина за произошедшее была возложена министром труда Т. Крозерсом на самих рабочих, которые, по его словам, пытались сбежать от работодателя под влиянием посулов более высокой заработной платы в другом месте³³.

Анализ переписки между консулами и российскими иммигрантами показывает, что большинство последних работали на постройке железных дорог. Другими отраслями, активно использовавшими труд российских иммигрантов-славян, были лесная, горнодобывающая промышленность и строительство. Определенный процент среди них составляли также сельскохозяйственные рабочие. Количество фабричных рабочих среди российских иммигрантов было, по всей видимости, невелико, так как подавляющее большинство их не обладало необходимой квалификацией. Поскольку прокладка железнодорожных путей велась только в теплое время года, а лес, напротив, обычно заготавливался зимой, рабочим приходилось следовать за сезонными колебаниями рынка труда, меняя место работы в зависимости от времени года. При этом всюду они, как правило, выполняли наиболее трудоемкую и малоквалифицированную работу, получая от полутора до двух с половиной канадских долларов в день и подвергаясь постоянной опасности производственного травматизма (консульские архивы изобилуют обращениями рабочих, искавших помощи консулов в получении компенсаций от работодателей за полученные во время работы травмы³⁴). Проработав сезон (обычно 5–6 мес.) на прокладке железнодорожных путей или в шахте, российский эмигрант мог заработать несколько сотен долларов, из которых большая часть обычно отправлялась денежными переводами семье в Россию. Размер этих переводов колебался от нескольких десятков до сотен, а иногда и тысяч долларов. В начале XX в. потоки денежных переводов, направлявшихся эмигрантами из Северной Америки в Европу, стали важной частью трансатлантического движения капиталов. Они позволяли эмигрантам, даже находясь за океаном, по-прежнему непрерывно выполнять функцию основного кормильца семьи.

О типичных условиях жизни и работы иностранного рабочего в Канаде можно судить по приводимому ниже фрагменту воспоминаний выходца из Подольской губ. Прокофия Шутякова, работавшего в г. Тимминсе на севере Онтарио: «Города Тимминса тогда еще совсем не было, стояло несколько шалашей – в одном из них был банк, а в другом лавочка. Было несколько бараков, в которых жили рабочие, что работали в шахте Голланджера... Тогда здесь было около двухсот рабочих, в большинстве наших славян и финнов... Работали по 9 и 10 часов в день, зарабатывали по \$2.50 в день... Забойные машины поднимали ужасную пыль и все шахтеры скоро получали кремневую болезнь (силикосис), но тогда не было медицинской охраны и никто не знал, что это за болезнь»³⁵. Однако тяжелые условия редко пугали рабочего-иммигранта, поскольку целью его пребывания в Канаде являлось получение максимально возможного при его уровне квалификации заработка за минимальный срок. Гораздо большей неприятностью было отсутствие работы, пусть даже самой малопривлекательной. Совпавший с началом войны экономический спад поставил многих российских рабочих в Канаде в критическое положение, усугублявшееся к тому же отсутствием возможности вернуться на родину в связи с прекращением регулярных трансатлантических рейсов.

Необходимость следования за заработком имела своим результатом высокую мобильность рабочих-иммигрантов, редко задерживавшихся на одном месте длительное время. В этих условиях возникновение более или менее стабильных по составу колоний российских рабочих было затруднено. В Монреале, Торонто, Виннипеге, а также в индустриальных центрах на севере Онтарио и в районе Великих Озер (Форт-Уильям, Порт-Артур, Садбери, Хэмилтон, Сент-Кэтринс и др.) существовали значительные скопления российских рабочих с Украины, из Белоруссии и Бессарабии, однако для них были характерны крайняя текучесть и почти полное отсутствие организованной общественной жизни. Более того, численность этих иммигрантских общин не была постоянной и зависела от сезонных колебаний рынка труда. Зимой, когда железнодорожное строительство останавливалось, наблюдался прилив рабочих в города, летом же размер колонии заметно уменьшался. «Характерная черта местной нашей иммиграции – это малочисленность оседлого элемента, – писал в 1918 г. в «Краткой справке о российской колонии в Канаде» консул С.А. Лихачев. – Даже в больших центрах состав колонии постоянно меняется»³⁶. В значительной мере такая ситуация объяснялась тем, что массовая эмиграция в Канаду российских рабочих началась относительно поздно и к лету 1914 г. она по-прежнему состояла почти исключительно из мужчин – временных мигрантов. Так, по воспоминаниям старых рабочих, в тот же Тимминс, где в начале века работало значительное число выходцев из России, первая русскоговорящая женщина прибыла только весной 1914 г.³⁷ При отсутствии необходимой «критической массы» иммигрантских семей необходимость непрерывного следования за меняющимся спросом на рабочую силу оказывалась сильнее естественного стремления к оседлому образу жизни. В этом отношении российская трудовая эмиграция в Канаде накануне Первой мировой войны отличалась от более стабильной по составу и более организованной эмиграции в соседних США.

Массовая славянская эмиграция из России в Канаду, начавшаяся в первые годы XX в., – типичный пример временной миграции крестьянского и ремесленного населения на заработки, ставшей в этот период чрезвычайно характерным явлением для большинства стран Восточной и Южной Европы. В отличие от своих географических соседей – галицких и буковинских украинцев, миграция которых в Канаду началась значительно раньше и при иной политико-экономической конъюнктуре, выезжавшие в Канаду российские крестьяне, как правило, не оседали здесь на земле, а пополняли быстро растущую и этнически многоликую армию канадских рабочих. Используемое современниками для характеристики данной группы иммигрантов выражение «перелетные птицы» в полной мере подходило к российскому рабочему в Канаде, рассматривавшему свое пребывание тут как временный визит, вызванный экономической необходимостью, за которым неизбежно должен был последовать возврат к привычному укладу жизни.

Можно только догадываться о возможных масштабах славянской эмиграции с земель восточнее Польши, если бы не началась Первая мировая война, положившая конец «эпохе великих миграций». Война, а также вызванные ею революционные потрясения в Европе, сопровождавшиеся распадом двух многонациональных империй (Российской и Австро-Венгерской) и кардинальной перекройкой границ, на несколько лет прервали экономические связи между центром и периферией североатлантической экономической системы, включая миграционные потоки из Старого в Новый Свет. Последовавшее затем установление советской власти на большей части бывшей Российской империи сделало невозможным дальнейший массовый выезд с этих территорий за рубеж. Однако украинские и белорусские земли, оказавшиеся в 1921 г. в составе Польши (значительная часть Волини, Подолья, Гродненская губ.) продолжали оставаться важным источником рабочей эмиграции для Канады, особенно после принятия в США антииммиграционных законов 1921 г. и 1924 г.³⁸ Эта страница в истории славянской трудовой эмиграции в Канаду также нуждается в дополнительном исследовании.

Примечания

¹ *Nugent W.* Crossings: The Great Transatlantic Migrations, 1870–1914. Bloomington, 1992. P. 41.

² *Тудоряну Н.Л.* Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма (в Германию, Скандинавские страны и США). Кишинев, 1986; *Кабузан В.А.* Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX в. М., 1998; *Melville R.* Permanent Emigration and Temporary Transnational Migration: Jewish, Polish and Russian Emigration from Tsarist Russia, 1861–1914 // *Overseas Migration from East-Central and Southeastern Europe, 1880–1940.* Вр., 1990. P. 133–142; *Davies D.* The Pre-1917 Roots of Canadian-Soviet Relations // *Canadian Historical Rev.*, 1989. Vol. 70. № 1. P. 180–205; *Black J.L.* The Peasant Kingdom: Canada in the Nineteenth-Century Russian Imagination. Ottawa, 2001. P. 109–159.

³ *Окулевич Г.* Русские в Канаде. Торонто, 1952; *Russian Canadians: Their Past and Present.* Ottawa, 1983. См. также: *Leshchenko O.* Early Immigration from Eastern Ukraine to Canada: Background and Significance. MA Thesis. Waterloo, 1992; *Sadonski J.* A History of the Byelorussians in Canada. Belleville, 1981.

⁴ Подсчитано по ежегодным отчетам Министерства внутренних дел Канады. См.: Report of the Department of the Interior // *Canada. Parliament. Sessional Papers, 1901–1915.* Paper № 25. Ottawa, 1902–1916. См. также: *Obolensky-Ossinsky V.V.* Emigration from and Immigration into Russia // *International Migrations.* Vol. 2: Interpretations. N.Y., 1969. P. 530.

⁵ *Ibidem.*

⁶ *Ibid.* P. 529.

⁷ *Wyman M.* Round-Trip to America: The Immigrants Return to Europe, 1880–1930. Ithaca, 1993. P. 11.

⁸ National Archives of Canada (далее – NAC). Record Group (далее – RG) 17 (Department of Agriculture). Vol. 643. Docet. 73116.

⁹ NAC. RG 76 (Immigration Branch). Vol. 161. File 40361. Reel C-7317. William Harvey to Clifford Sifton, 9 July, 1897; J.A. Smart to William Harvey, 15 July 1897.

¹⁰ *Kelley N., Trebilcock M.* The Making of the Mosaic: A History of Canadian Immigration Policy. Toronto, 1998. P. 137, 140.

¹¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 104. Оп. 1. Д. 265. Л. 22.

¹² Подробнее об этом см.: *Avery D.* «Dangerous Foreigners»: European Immigrant Workers and Labour Radicalism in Canada, 1896–1932. Toronto, 1979. P. 16–33.

¹³ NAC. Likhachev–Ragosin–Mathers Collection (далее – Li-Ra-Ma Collection), Manuscript Group 30 E406. Vol. 20. Files 649–650.

¹⁴ Report of the Department of the Interior. Sessional Paper № 25, 1907–08. P. 10.

¹⁵ *Струве Н.* Торговля и промышленность Канады. – Русские эмигранты в Канаде (Донесение консула в Монреале) // *Сборник консульских донесений.* Вып. 1. СПб., 1909. С. 231.

¹⁶ Подсчитано по: *International Migrations.* Vol. 1: Statistics. N.Y., 1969. P. 364–365.

¹⁷ *Magosci P.* A History of Ukraine. Toronto, 1996. P. 325.

¹⁸ NAC. Li-Ra-Ma Collection. Ser. IV (Passport / Identity Series). Автор статьи выражает глубокую признательность сотруднику Национального архива Канады Майрону Момринку за помощь в компьютерной обработке материалов опросных листов.

¹⁹ Подсчитано по: Reports of the Department of the Interior. Sessional Papers, 1909–1915.

²⁰ NAC. RG 76. Vol. 565. File 809068. Reel C-10645. J.H. MacGill to W.D. Scott, 29 March 1909. Появление в Ванкувере иммигрантов-кавказцев, бывших русскими подданными, но по тогдашним представлениям принадлежавших к нежелательной в Канаде «азиатской расе», вызвало немалое беспокойство среди иммиграционных чиновников, опасавшихся массовой иммиграции из азиатской части России.

²¹ См.: *European Migrants: Global and Local Perspectives.* Boston, 1996.

²² См. напр.: *McDonald J.S., McDonald L.D.* Chain Migration, Ethnic Neighborhood Formation, and Social Networks // *Milbank Memorial Fund Quarterly*, 1964. Vol. 42. P. 82–97.

²³ NAC. RG 76. Vol. 565. File 809068. Reel C-10645. J.H. MacGill to W.D. Scott, 9 November 1909.

²⁴ *Тудоряну Н.Л.* Указ. соч. С. 130–131.

²⁵ NAC. Li-Ra-Ma Collection. Vol. 7. File 244. Dionisii Popo and others to S.A. Likhachev, 9 May 1914.

²⁶ *Ibid.* Likhachev to Popo and others, 29 March 1915.

²⁷ РГИА. Ф. 104. Оп. 1. Д. 265. Л. 109.

²⁸ Там же. Л. 92.

²⁹ Подсчитано по: Reports of the Department of the Interior. Sessional Papers, 1908–1915.

³⁰ *Тудоряну Н.Л.* Указ. соч. С. 151–152.

³¹ NAC. Li-Ra-Ma Collection. Vol. 10. File 295. Likhachev to Dessaulles and Garneau, 28 August 1914.

³² *Ibid.* Vol. 7. File 240. N. Passek to S. White, 23 May 1913.

³³ *Canada. Parliament. House of Commons Debates, 1912–1913.* Vol. 112. Col. 11077.

³⁴ NAC. Li-Ra-Ma Collection. Vol. 6–7. File 215–229.

³⁵ *Окулевич Г.* Указ. соч. С. 33–34.

³⁶ NAC. Li-Ra-Ma Collection. Vol. 22. File 712.

³⁷ Окулевич Г. Указ. соч. С. 34.

³⁸ Подробнее об этом см.: *Reczynska A.* For Bread and Better Future: Emigration from Poland to Canada, 1918–1939. Toronto, 1996.

V.E. K u k u s h k i n. Slavic Labour Emigration from the Russian Empire to Canada at the Beginning of the XXth Century

The problem of the early XXth century Slavic emigration from Russia to the New World is considered. In 1906–1907 Byelorussian and Ukrainian provinces as well as some provinces of the Central and Southern Russia became involved in the emigration movement. Though the USA were the main centre of attraction, approximately a third of Russian, Byelorussian and Ukrainian emigrants headed for Canada. Slavic labour migration to Canada during the first fifteen years of the XXth century, its geography, social composition and economic aspects, described on the basis of Canadian and Russian archival documents (part of them are published for the first time), are the main focus of the article.

© 2002 г., ЭО, № 4

М. Бушар

ПРАВОСЛАВИЕ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОЙ НАЦИИ

От редколлегии

Редколлегия обычно не комментирует публикуемые в журнале материалы, однако в данном случае мы решили сделать исключение. Статья М. Бушара, видимо, привлечет внимание читателей своей тематикой и выводами автора. Несмотря на очевидную спорность ряда положений, статья интересна тем, что представляет взгляд зарубежного автора на сугубо российскую проблематику, связанную с ролью православия в истории России и формировании русского народа.

Позиция М. Бушара по сути близка характерной для последних лет тенденции в отечественной публицистике и даже в научной литературе преувеличения роли православия в складывании русского этноса и российского государства, равно как и преувеличения роли православия в жизни современного российского общества. Для этнологии является аксиомой, что процессы этногенеза протекают под воздействием целого комплекса разнообразных факторов, и определяющую роль играют все же факторы социальные, а не идеологические. Поэтому главный аргумент автора статьи – ссылки на церковные тексты и летописи – выглядит неубедительно. Для оценки значения этих текстов надо знать, как они воспринимались людской массой, а не только «книжниками», которые их и писали. В силу отсутствия соответствующих источников судить об этом невозможно. Но зато мы знаем, что никакой «русской нации» в XI в. не существовало: по всей видимости, автор несколько увлекся собственной концепцией. Как ни странно – и это тоже интересно, – М. Бушар употребляет термин «нация» в духе устаревшей традиции советской науки, т.е. в этническом смысле, в то время как большинство российских этнологов, представляющих ведущие научные центры, уже давно отказались от этой традиции.